
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТЕРИЧЕСКОЙ ЖЕНЩИНЫ. Продолжение

Известную в стране актрису спрашивают: «что значит, по-вашему, быть сексуальной?» Она разъясняет: «Сексуальная — значит красивая, вызывающая восхищение. Чтобы быть сексуальной, нужно любить секс, не бояться его, быть открытым, общительным и естественным, искренним. Знать свои сильные и слабые стороны и уметь их выделять или скрывать. Собственно, быть раскрепощенным. Для меня, прежде всего, сексуальны люди без комплексов. Когда человек уверен в себе, когда его ничего не пугает — он сексуален».

Здесь все на месте, все логично, все в духе времени. И все же это сексуальное бесстрашие, открытость «без всяких комплексов» слегка удручает. Действительно ли герой нашего времени человек без стеснений и страхов, без сдержек и сомнений? Впрочем, похоже: печатно и экранно нам без конца внушают: освободись от внутренней скованности, от предрассудков и комплексов, от ограничений и запретов. Лолита Милявская резюмирует: «Не надо сдерживать чувства, это не мочевого пузыря».

Именно так наставлял Ф. Ницше «белокурую бестию», обустроивая ее пространство по ту сторону добра и зла.

Комплексом называют теперь все архаическое, болезненное, навязчивое. Между тем в трактовке К.Г. Юнга под комплексом понимается эмоционально заряженная группа идей или образов. Далеко не всегда в психоанализе это понятие выражает нечто предосудительное, мучительное, хворое. Ведь речь идет о совокупности бессознательных представлений, аффективно окрашенных воспоминаний. Они связаны между собой ассоциативно и выражают, вообще говоря, разнообразие личностных черт. Фрейд весьма настороженно относился к расхожему употреблению этого слова, позволяющему отождествлять комплекс и «нормальную психику». Он утверждал, что неврозы не имеют какого-либо только им свойственного содержания. Иначе говоря, комплексы есть и у психически здорового человека. Андрей Битов справедливо заме-

чает: «Поэзия всегда для меня была областью восторга и комплекса».

Но в нашем массовом сознании произошла некая инверсия. Комплексом стали называть все, что якобы мешает человеку проявлять свои здоровые инстинкты. Идеалом прочного психологического благоденствия считается человек, который отказался от условностей, склонился вообще к простоте душевных переживаний. Они только усложняют жизнь и мешают наслаждаться ею.

Старик Зигги может ликовать: найдено единственно спасительное и радикальное средство, избавляющее от комплексов: «отринь!». Вместо длительной работы по корректировке личности предлагается предумышленный отказ от затейливой и сложной психики. Пожалуй, и без Фрейда ясно, что это и есть путь к массовой невротизации людей. В этой безоглядности таится грозная опасность. В свое время по рекомендациям Вильгельма Райха в СССР был открыт экспериментальный детский садик Веры Шмидт. Он был призван освободить детей от ранних сексуальных комплексов. Ребята могли играть хоть в «доктора», хоть в «дочки-матери», хоть в причуды взрослых. Девочке следовало с младых ногтей понимать, что она не станет частной собственностью лишь одного сексуального партнера. Уже маячила соблазнительная «коллективистская психология». Щупать юное тельце не только не запрещалось, но даже и рекомендовалось. Готовили поколение «без комплексов», а получили запуганных, невротичных и насильственно развращенных.

В современном психоанализе описывается более 50 различных комплексов. Эта цифра кажется внушительной. Но ведь имена мифических и литературных героев используются для обозначения и описания различных психических актов. Устрани их, и в психике образуется зияющая бездна. «Без комплексов» — может быть, это и означает распад души? Начинается с простого устранения застенчивости, а завершается полным отпадом.

Вот Евгений Онегин стоит перед Татьяной на коленях. Он говорит ей: «Желать обнять у вас колена и, зарыдав у ваших ног, излить мольбы, признанья, пени...». А она, Татьяна, ежели она без комплексов, отвечает: «Давай определяйся, дружок, хватит обнимать колени, или продвигайся дальше, или не морочь мне голову...» А вот еще одна простушка: «Ты, говорит, свистни, себя не заставлю я ждать...» А тот, который всегда бесстрашен, заявляет: «не усложняй, подруга, приходи без свистка, чего уж там...» Боже мой, а тот, который у Шекспира: «Офелия! О, радость! Помяни мои грехи в своих молитвах, нимфа». А сама Офелия, которая не боится секса, рыдает: «С кем же я теперь, блин, буду спариваться?» Другая женщина заявляет: «Я не хочу ни трепета, ни боли». А ей в ответ утомленно: «Живи проще, не гони волну, тёлка...»

Когда же все это случилось? Ведь еще несколько десятилетий назад скромный рабочий паренек из «Карнавальной ночи», пытаясь под Новый год объяснить девушке, которая и сама ему симпатизирует, мучается, страдает: «Я не знаю, как сказать, в общем, значит, так сказать, нет, не получается опять...». Куда исчезли эти муки, тревожность, скромное обаяние признательности, трепетная недосказанность? Отчего обозначился мощный импульс к примитивизации душевного мира?

Фрейд, описывая истерический характер, обратил внимание на сложный замес романтического обожания и сексуального вождения, свойственный этому психологическому типу. Раскрывая тайны детской сексуальности, австрийский психиатр показал, что девочка, будущая носительница истерического поведения, испытывает к отцу и поклонение, и влечение. Отсюда и ее взрослая драма: она обольщает мужчин, но не отдается им. Она женщина-вамп, и ей трудно предать отца и предпочесть другого человека. Однако сексуальная революция многое изменила. Парадоксально, но сегодня, когда секс стал доступным, истерическая женщина больше всего боится трепетного поклонения. Своего взволнованного рыцаря, который намекнул на

ее божественность, она горестно наставляет: «Слушай, только давай без этого... Без цветов и признаний. Нам так хорошо было в постели, а ты взял и все испортил... Эх, зануда!»

Сексуальная революция, прогремевшая на Западе и докатившаяся до нас, сделала свое благое дело: она растормошила деловых людей, увлеченных накоплением денег, холодных красавиц, воспитанных викторианским аскетизмом, юношей бледных, со взором горящим. Европа отряхнулась от банальных предрассудков, от вымороченных комплиментов: «Как бы я хотел быть нежным шарфиком, обнимающим вашу лилейную шейку!». Революция показала, какую огромную роль играет сексуальность в жизни людей.

Но, пожалуй, сегодня сексуальная революция переступила за свои пределы. Американская исследовательница Джейн Рейнуотер справедливо отмечает: в наши дни невротиком можно назвать не ту женщину, которая стыдится секса, а ту, которая в отчаянии, что не является рекордсменкой по числу испытанных оргазмов. И теперь психотерапевтам приходится внушать: «не бойтесь переживать стыд, волнение, трепет и даже страх... Это нормально... Когда человек ничего не боится, он далеко не всегда сексуален».

Страх перед чувственностью присущ не только истерическому характеру. У «оральника», к примеру, противостояние сексуального влечения и страха выражено сильнее. Мазохист вообще может впасть в состояние паники под влиянием сексуальных импульсов. Желания мазохиста вполне осознанны, но сдержанны и подавлены. Иначе говоря, он не отдает себе отчета в том, что сдерживает свои сексуальные чувства. Мазохистское сжимание, скручивание и проталкивание либидозной энергии, призванные добиться сексуальной разрядки, сам мазохист не оценивает как способ преодолеть сопротивление. У истерички сексуальные желания подавлены, но они в значительной мере бессознательны. Человек такой структуры будет удивлен, если указать ему на сексуальный смысл его поведения.